

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

УЗНИК
ГУАНТАНАМО

Максим Шахов
Узник Гуантанамо

«ЭКСМО»

2013

Шахов М. А.

Узник Гуантанамо / М. А. Шахов — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63719-5

Российские ракетчики тайно испытывают в одной из африканских стран новейший ракетный комплекс «Любава». Испытание проходит успешно. Наши бойцы нанесли серьезный урон силам повстанцев, которые пытались свергнуть законно избранное правительство. Однако по дороге к аэродрому грузовики с ракетным комплексом блокируют американские военные. Намерения американцев ясны – они хотят любой ценой заполучить образцы секретного комплекса. Назревает серьезный конфликт. Спецподразделение российских войск «Гамма» под командованием майора Тарасова получает задачу вывести ракетчиков и секретный комплекс из окружения...

ISBN 978-5-699-63719-5

© Шахов М. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Максим Шахов

Узник Гуантанамо

Книга основана на реальных событиях

Часть первая

Глава первая

«Не ходите дети в Африку гулять...»

Африка ужасна! Да-да-да!

Африка опасна! Да-да-да!

Корней Чуковский

Перед стрелковым тиром разгорался локальный конфликт.

– Собачку! Вон ту собачку! Купи-и-и!

Мальчик лет шести в измазанной шоколадом футболке «Дисней» канючил, размазывая по щекам слезы, и вел себя явно не по-мужски. Солидный очкастый папа мальчишки негромко увещевал, чувствуя себя неловко среди скопления празднично настроенных москвичей. После демонтажа аттракционов парк Горького заметно обеднел.

– Понимаешь, она не продается! Ее нужно – выиграть! – стараясь сохранить лицо, толковал папаша. – Выиграть!

– Ну выиграй! Выиграй мне собачку! Пожалуйста! – ныл малый, вгоняя отца в краску.

Стоявший рядом Артем погасил окурок о край урны и хлопнул мальчишку по плечу.

– Показывай, где она, твоя собачка!

Пацан просеменил к двери и ткнул пальцем в душно-пеструю полутьму тира.

– Два выстрела, пожалуйста, – Артем протянул пятисотрублевку сонному парню в мятой футболке с Че Геварой.

Нелепая фиолетовая собачка с колокольчиком на шее висела сбоку, между перевернутым кверху задом слона и набором зубных щеток, а прямо над ней алел глазок мишени – с копейчную монетку.

Артем взял пневматическую винтовку, приложил к плечу, привычно взял в прицел мишень и плавно нажал на спусковой крючок. Сухо щелкнула винтовка, и вождельная мягкая игрушка, описав плавную дугу, шлепнулась на пол.

Распорядитель вяло поднял приз и протянул через барьер.

– Держи своего кобелька! – проговорил Артем, потрепав пацана по стриженной макушке.

– Этот дядя умеет, а ты нет! – прижимая собачку к груди, угрюмо заключил малый и искоса глянул на отца.

– Твой папа зато много чего другого умеет, – заметил Артем, выходя из павильона.

– Эй, мужчина, а как же второй выстрел? – окликнул «Че Гевара».

– Вон пацаненок стрельнет – пусть привыкает, – отозвался Артем и прикурил новую сигарету...

То воскресное утро у майора Тарасова сложилось удачно. На утренней пробежке он познакомился с симпатичной брюнеткой, владелицей огромной овчарки, и впервые почувствовал, что последствия недавнего ранения прошли и о них можно забыть. Теперь нужно зайти в «Рамстор», взять что-нибудь поесть на вечер. Целый свободный вечер... Может, с той черненькой пойти вечером прогуляться, ну и с овчаркой заодно?.. Девушку звали Викой. Не забыть бы имя – на всякий случай...

Завибрировал мобильный. На входе парка Горького было шумно, и Артем зажал одно ухо ладонью. Он не ждал ничего хорошего от неожиданных звонков в выходной.

– Майор Тарасов? Добрый день. Вас срочно вызывает генерал Ларичев. Учитывая выходной, можно в гражданском. Куда прислать за вами машину?

– Парк Горького. Центральный вход, прямо перед портиком.

– Через пятнадцать минут ждите, товарищ майор...

Артем побродил перед входом, напевая «Вика, Вика, витаминка» на какой-то идиотский, услышанный по радио мотивчик, стараясь не думать о службе, но мысли о ней настойчиво лезли в голову. Что там затеялось? Какие боевые ему, командиру отдельного спецбатальона, предстоит решать в самое ближайшее время? В том, что спецзадание не за горами, Тарасов был уверен на все сто. А с прогулками по девочкам придется пока повременить – даже на почве общей любви к домашним животным...

Вскоре подошла машина, и немногословный водила торопливо нажал на газ.

На вертушке самой главной военной конторы страны явлению Тарасова, одетого в гражданку, народ никак не удивился. Дежурный офицер хмуро выслушал рапорт майора и кивнул налево, в сторону лестницы.

Стучать у кабинета Ларичева Артем не стал: сразу прошел через пустой предбанник со слепо мерцающей заставкой на мониторе компьютера и, открыв резную ореховую створку двери, проговорил:

– Товарищ генерал, майор Тарасов по вашему приказанию прибыл.

Генерал кивнул, махнул рукой: мол, садись без церемоний – и пододвинул к краю стола буро-серую тактическую карту. Одного взгляда на нее Артему было достаточно, чтобы узнать привлекательные с туристической, но негодные с военной точки зрения просторы Центральной Африки. Припомнив недавние тревожные сообщения из Конгонии, освободившейся от ига колониализма и тут же попавшей под иго местных мафиозных кланов, Тарасов догадался о примерном направлении беседы и не ошибся.

Битый час Ларичев толковал о воинском долге, международной разрядке и сладких соблазнах колониальной армейской службы. По словам генерала, выходило, что славный боевой путь, пройденный советскими воинами-интернационалистами, должны продолжить российские миротворцы... Артем заскучал: ему почудилось, что он перенесся во времени на двадцать два года назад и слушает политинформацию в исполнении замполита. Видимо, почуввав это, Ларичев запнулся и попросил своего офицера повторить сказанное выше. Тарасов четко отбарабанил краткое содержание монолога, и хозяин кабинета, видимо, остался доволен. Закончив вступительную часть беседы, генерал внезапно стал сухим и деловитым.

– Без самодеятельности, майор! – внушительно проговорил в заключение Ларичев.

– Не любите мою самодеятельность? – одними уголками губ усмехнулся Артем.

– Честно? Терпеть не могу! – тоже не без иронии ответил генерал. – Так вот: если в Африке не станешь проявлять самодеятельность, а будешь действовать согласно уставам и инструкциям, то по возвращении кроме контрактных и премиальных сразу получишь вторую звездочку!

– Буду стараться, – заверил Тарасов.

Ларичев протянул Артему запечатанный сургучом пакет.

– Двигай теперь, к себе в батальон. Вскроешь, изучишь – и действуй! Помни: ни на кого так не надеюсь, как на «Шишкин лес»!..

Только в коридоре Тарасов вспомнил, что генерал ничего не сказал насчет машины. Своим ходом, так своим...

* * *

– Служишь, значит, здесь? Хорошее дело! – выдыхая табачный дым сквозь усы, одобрительно проговорил водила-частник, которого Артем поймал в центре. – Платят-то нормально, да?

Вид Тарасова, одетого в тренировочный костюм, никак не наводил на мысль о том, что этот простой на вид сухощавый мужик с седоватыми висками командует секретным подмосковным объектом, в просторечии «Шишкиным лесом», где базировался батальон «Гамма»...

Как все здесь было знакомо! Артем лихо подкатил на машине к КПП, расплатился с частником и, отмахнувшись от дежурного, быстрым шагом двинулся к штабу.

– Комбат прикинут по гражданке, значит, жди учебную тревогу! – заметил сержант-сверхсрочник, присев на шлагбаум.

– Отставить разговорчики! – гаркнул юный лейтенант, дежурный по КПП, снимая трубку внутренней связи. – Надо в столовку звякнуть, зампотыла предупредить – вдруг батя приварок пойдет проверять...

– Батя-то? Не пойдет! – убежденно заявил сверхсрочник. – У него са-а-всем другие интересы...

– Командиров рот ко мне! – взбегая по ступенькам штаба, бросил Тарасов кадээсу¹, томящемуся за лакированным столом... – По списку вызывай!

Вот они выстроились в шеренгу в коридоре штаба. Артем видел их в сотый, по крайней мере, раз, но и в сотый раз не уставал удивляться двум вещам: толстому животу по сути вполне спортивного командира автороты и идиотскому выражению лица своего зама по воспитательной работе, между прочим, не без интеллекта парня.

– Командование поручает нам – ну и мотострелкам вместе с артиллеристами, – важное задание в дальнем зарубежье. Нужны добровольцы. Командирам рот составить списки бойцов, достойных представлять славные воинские традиции России в роли миротворцев. Эти списки просмотрю лично. С рапортом жду через час. Зам по воспитательной работе – со мной...

Капитан Саня Белорыбин подобрал свою нижнюю губу и протопал вслед за Тарасовым в командирский кабинет.

– Ты рот-то закрывай иногда, – усаживаясь за стол и включая компьютер, заметил Артем. – А то ненароком проверка, а у воспитутки слюни капаят... Что думаешь насчет того, чтобы Борзова с собой взять?

– Хороший выбор, – глубокомысленно изрек Белорыбин. – Несмотря на возраст, старается, проявляет...

Что проявляет старший лейтенант Борзов, воспитатель недоговорил. Засидевшийся в капитанах Белорыбин редко хвалил молодых офицеров, так что к его мнению стоило прислушаться.

– Труханова и Абдуразакова стоит направить... – задумчиво протянул Тарасов. – Уверен, что они рапорты подадут...

– Далекая поездка? – поинтересовался зам.

– В Африку, Саня, в черную Африку...

– Африка – она вся черная, – усмехнулся Белорыбин. – А если я рапорт подам, возьмете? Артем поднял на капитана удивленные глаза.

– Тебя-я-я?! – протянул он. – Взял бы, только воспитывать в солнечной Конгонии некого. Разве что зеленых мартышек...

¹ КДС – командир дежурной службы; офицерский наряд по части.

– У меня по огневой и тактике в училище отлично было, – гнул свое Белорыбин. – Я ведь из-за физподготовки только в МВВКУ² не попал...

– Именно! – кивнул Тарасов. – По саванне, значит, с полной выкладкой на горбу не очень-то побегаешь...

Артем глянул в окно, куда так и норвила влезть лохматая ветка клена, и вдруг сказал:

– Пиши, Белорыбин, рапорт. Возьму... Только скажи честно: тебя-то за каким хреном в миротворцы потянуло?

– Я орден очень хочу получить... – тихо сказал капитан и опустил голову, готовый к взрыву командирского хохота. Но Тарасов не засмеялся: он внимательно листал файлы личных дел военнослужащих «Гаммы».

Постояв с минуту перед Артемом, капитан вышел из кабинета на цыпочках...

Здорово наследили эти бравые парни: на Кавказе и в Азии, в самых секретных ее уголках, на китайской границе и на прочих границах, упоминание о которых влечет уголовную ответственность за разглашение гостайны... Они минировали и разминировали, ставили хитрые растяжки на узких лесных тропинках. Они убивали из стрелкового оружия, резали глотки ножами, бросали гранаты в тихие дворики и топтали окровавленными ботинками дорогие ковры. Их небритые рожи отражались в мутной воде тревожных пограничных рек. Их боялись сильнее, чем дьявола. Им дружно желали смерти чужие и даже свои, а они смеялись над смертью во весь голос – точнее, они нагло ржали, и звук их пьяных голосов на отдыхе до сих пор стоял у Артема в ушах. А еще они умирали, честно и просто, – но все-таки гораздо реже, чем умирали враги...

«Этих двух прапоров прихватим – я их по второй чеченской помню... Этот вроде из ОМОНа в «Шишкин лес» перебрался – годится... Старшина-сверхсрочник – подрывник, этот просто необходим... Водители... Специалист по компьютерам, хакер доморощенный... Сан-инструкторы... Этот, судя по рапорту, хорошо освоил АГС...»³

И так далее, и так далее...

* * *

Понедельник начался с того, что в седьмом часу утра зазвонил «прямой московский» – служебный телефон особого назначения. Снова шефу нейметя, что ли?!

– Майор Тарасов слушает! – бодро сказал Артем.

– Генерал Ларичев, – представился абонент и сделал паузу, будто давая собеседнику время встать и стоя слушать голос начальника. – Приказываю: немедленно явиться ко мне по полной форме для получения дальнейших инструкций.

– Есть! – ответил Тарасов.

На том конце телефонного провода раздались гудки отбоя.

– «Газик» к штабу через десять минут! – бросил в трубку внутренней связи Артем.

«Какого черта? Соскучился, что ли? То, выходит, была прелюдия, а настоящий разговор только ожидается...» Но Артем уже радовался тому, как просто запускается сложный армейский механизм. Тарасов, казалось, видел, как командир автороты выдирает разомлевающего от безделья водителя из теплого прокуренного угла и с матом гонит в гараж... Застоялись сынки!

Артем открыл шкаф и в который раз порадовался, что держит в служебном кабинете наглаженную форму. На одевание ушли четыре минуты. В последний раз бросив взгляд в узкое зеркало на внутренней дверце шкафа и удовлетворившись видом бравого майора, которому сам черт не брат, – глянув в последний раз на свое отражение, Тарасов вышел из кабинета.

² Московское высшее общевойсковое командное училище.

³ Автоматический станковый гранатомет.

«Газик» уже стоял под парами, и озабоченный водитель обтирал тряпочкой диск на переднем колесе.

– Ходу, Коля! – прыгнув на сиденье, приказал Артем.

– Далеко, товарищ майор?

– В Москву за песнями...

Генерал Ларичев умел быть по-настоящему кратким: сегодня инструктаж, шелестенье бумажками и мелькание референтов заняли от силы полчаса. Задача менялась: «леших» из «Шишкина леса» не готовы были выпустить за кордон в полном составе. Тарасов верил и не верил: ему поручалось в кратчайшие сроки сформировать боевое подразделение, готовое выполнить самую сложную задачу в сложных климатических условиях. Элитный батальон миротворцев...

Официальные слова, которыми так и сыпал хозяин кабинета, не могли обмануть Артема, а само слово «миротворец» вязалось в его голове отнюдь не с «голубыми касками» ООН. Тарасову вспомнилась задымленная площадь в центре Сухуми, чадающий обезбашенный прямым попаданием танк и лежащая в тени кипариса пара солдатиков с вывороченными минным разрывом кишками. Они тоже были миротворцами... «Гуманитарная задача... тесное военное сотрудничество...» – продолжал бубнить генерал.

– О чем задумался, диверсант? – потеплевшим вдруг голосом поинтересовался Ларичев. – Похоже, понял, о чем я толкую?

– Так точно, – кивнул Артем. – Задача: сделать из толпы сводный батальон непосредственно в боевых условиях. По официальной версии – едем елочки в Конгонии сажать. Как наши отцы в Афгане тридцать лет назад. Несмотря на гуманитарные задачи, думаю, придется хлебнуть лиха...

– А ты не думай! – сердито прикрикнул хозяин кабинета. – И не болтай! Считаю, что лично я тебя не слышал... Повтори свою задачу, майор!

* * *

– Товарищи офицеры и прапорщики! Мы отправляемся в африканскую развивающуюся страну...

Артем обвел глазами присутствующих. Выражение лиц у большинства было равнодушно-отсутствующее либо откровенно веселое. Аудитория академии имени Можайского, заарендованная Генштабом на три часа, не располагала к серьезным мыслям.

«Почуяли настоящую работу, соколики...»

– По сравнению с Конгонией любая костромская деревня – это Лондон и Париж. Там вы увидите, до чего дикие черные люди могут дойти, если им дать право на самоопределение... Это в смысле шутки... – Тарасов глянул в бумажку и решительно отложил ее в сторону. – Несколько лет назад я был с группой военных советников в Эфиопии. Так вот, Эфиопия в сравнении с Конгонией – это тоже Париж и Лондон...

Артем сделал еще одну паузу.

– Противник там воюет по расписанию – скажем, с девяти до двенадцати и с пятнадцати до девятнадцати ноль-ноль. И правительственные войска, для помощи которых мы направляемся, и повстанцы плевать хотели на цивилизацию. Даже по меркам российской армии гуманитарный аспект войны для конгонийцев не писан. Насколько мне известно, они перестали жрать убитых в бою только в прошлом веке. Сейчас, правда, некоторые придерживаются старой доброй традиции и съедают только печень поверженного врага. Это приказываю запомнить и знать как «Отче наш»!

Лица офицеров стали напряженными. Даже для знакомых с чеченской войной подобное было в диковинку.

– Если ты вышел за КПП в пьяном виде в поисках приключений или за еще одной бутылкой водки (которую, кстати, в Конгонии тоже продают), имеешь все шансы попасть в лапы к повстанцам. Ты будешь еще жив, когда самый черный и самый борзый боец с сержантскими погонами достанет штык-нож, вырежет твою печеньку и начнет жрать ее сырой... Периметр войсковой части – единственная возможная защита от страшной смерти...

– Разрешите вопрос, товарищ майор? – поднялся плечистый старлей с украшенным бугристым шрамом лицом. – Вы не слишком сгущаете краски?

– В пехоте тебя за такой вопрос командир урыл бы, – усмехнулся Тарасов. – Но ответу: конечно, сгущаю. Для того чтобы некоторые офицеры спецназа не расхолаживались... И еще об интересном: некоторые из вас переболели триппером и хламидиозом еще в учебке. Так вот, в Конгонии триппер и хламидиоз...

– Как в Лондоне и Париже! – не удержавшись, вставил тот самый старлей.

– ...это только цветочки. – Артем оставил реплику без ответа. – Девки прогуливаются прямо за колючей проволокой – и сто'ят они пачку сигарет или банку тушенки. Девки там черные, справные, губастые. При этом каждая вторая инфицирована СПИДом. А лобковые вши там – размером с ба-а-альшую черепаху... Дальше продолжать? Особо страстным рекомендую вспомнить азы подросткового онанизма...

– Продолжайте, товарищ майор! – потребовал голос из зала.

– Вы ж не заболели! – добавил кто-то ехидно.

– Оставить! Про клубничку закончили! – поднял Тарасов ладонь. – Выводы делайте сами... Теперь об артиллерии... С установкой «Шилка» все знакомы?

– Так ее ж с производства тридцать лет назад сняли! – раздалась реплика с места. – На ней еще мой батя в Афгане воевал!

– А ты хотел, чтобы тебе «Панцири»⁴подогнали?! Штучек сто?! – возразил умнику кто-то с другого конца зала.

* * *

– Правильно! – Тарасов не стал обижаться на самовольные дельные высказывания. – «Шилки» в Конгонию Горбачев продавал. Они будут нас поддерживать огоньком. Я попросил, чтобы конгонийские экипажи заменили на наших контрактников. Как показывает бесценный советский опыт, надежды на черномазых мало. Но это не значит, – повысил Артем голос, – что я призываю вас к расизму! Конгонийцы – наши, типа, союзники, и общие победы припишут им, поэтому...

Он остановился, обвел глазами зал.

– Разрешите вопрос, товарищ майор? Конгонийские офицеры у кого обучались? У англичан?

– Молодец, лейтенант, хороший вопрос задал! – проговорил Тарасов и подумал: «Этого на представление к званию в рапорте первым напишу...» – Обучались они у французов. Но это означает только то, что конгонийцы в Сен-Сире⁵ничему не научились. И тактику навязывать им будем мы – простую российскую тактику, она же советская. Я общался с военными советниками, которые целые годы провели в Конгонии, и все утверждают, что даже в вооруженных силах страны к русским военным советникам относятся неоднозначно.

⁴ Современный российский самоходный зенитный ракетно-пушечный комплекс.

⁵ Французская военная академия, основанная Наполеоном Бонапартом.

* * *

Офицеры слушали внимательно. Кто-то уже делал поспешные заметки в блокноте.

– Рядом с нами будут располагаться части миротворцев из США и Украины. И те и другие – вероятный противник в отдаленной перспективе. С хохлами никаких контактов – у них там своя свадьба: братская Грузия, НАТО и все такое... Ну, а америкосы с нами сами общаться вряд ли захотят. При совместных боевых действиях надеяться не на соседа, а только на себя, ну и на устав и соответствующие инструкции... И последнее. – Артем поднялся. С грохотом встали с мест слушатели. – Все миротворцы заработают хорошие бабки, от рядового до командира батальона. Но бабки, парни – это не самоцель. Ясно?!

– Так точно! – стройно прогудели в ответ офицеры.

* * *

Майор Тарасов отлично понимал, почему командование не решилось отправить в Конголию «Гамму» в полном составе. Бойцов спецназа удобнее было прикрыть общевойсковыми военными, выдать штатное оружие и целиком положиться на искусство «леших» из «Шишкина леса». Никаких «винторезов» и лазерных цапек-печек – родимый «калашников», штык-нож, полную выкладку на плечи, – а следом машины огневой поддержки, подкрашенные «Шилки» семьдесят девятого года выпуска...

«Да, парни с большими звездами правы: только так батальон покажет себя во всей красе, – думал Артем. – И только так удастся удержать боевую выучку на уровне. А то ведь «Гамма» всем как бревно в глазу... Все им – «партизаны», «разгильдяи» да «неженки». Слушать противно! А ведь финансы и так урезали, и новое штатное расписание грозятся к концу отчетного квартала спустить, тоже наполовину урезанное...»

Мысли майора Тарасова перетекли в привычное русло: «Шишкину лесу» нужны были деньги, много денег и много новой техники. А цель? «Вымпел» и «Альфа» прочно заняли верхнюю ступеньку в иерархии отечественных войск спецназначения, и места для третьей силы там, наверху, нет. Стремные дела Кремль сейчас сам, без спецназа решает – полюбовно, руками парней с Лубянки. Все как было двадцать лет назад...

Дела в Москве остались незначительные, даже мелкие, можно сказать, и об этих делах думал Артем, катясь на «газике» в сторону базы батальона «Гамма».

* * *

«Ил» был похож на огромную морскую рыбину, лежащую на животе посреди залитого дождем аэродрома. Красные сигнальные огни отсвечивали на металлических мачтах и флюгерах, смешивались с прожекторным светом, который разрезал темноту.

Двинулись навьюченные снаряжением фигуры с неясными черточками автоматных стволов за спиной. Загудели моторы. Густой мат огласил пространство. Дождь усиливался.

– Не верится! – рядом с Артемом встал Белорыбин. – Не верится, что через пять часов всего этого не будет...

– Чего всего? – буркнул Тарасов.

– Всего, что надоело до смерти, – ответил капитан.

– От тебя баба ушла, что ли? – догадался Артем.

Белорыбин не ответил. Он напрягся, взглядываясь в темноту, и вдруг сорвался с места, подбежал к солдатам, грубо волокущим длинный камуфлированный ящик.

– Бойцы, как грузим, мать вашу?! На плечо, вашу мать, ящик, на плечо, кому говорю!
– Дык, триц капитан, он тяжел-то! – провинциальным говорком стал оправдываться боец...

Спустя час сорок сводный батальон российских миротворцев был полностью упакован. К взлетной полосе, мигая синей вертушкой, подкатила черная «Волга», и генерал Ларичев, набросив на плечи плащ-накидку, сияя кокардой на фуражке, подошел к Артему.

– Погрузились? – пожимая руку Тарасову, проговорил он. – Сухпайки взяли?

– Зачем?

– Летите через Турцию, там транзит, военные советники ООН и прочая сволочь... Это ребята неторопливые и к россиянам относятся весьма сдержанно... Приказываю взять сухпайки, майор!..

Артему показалось, что генерал хочет сказать еще что-то, но Ларичев, бросив руку к козырьку, торопливо пошел к своей «Волге». Крупные капли дождя лопались на зеркально-черном бампере машины.

Вопреки мнению Ларичева, турки оказались расторопными ребятами. «Илы» приземлились для дозаправки на военном аэродроме военной базы Инджирлик. Вдалеке уже ждали машины с американскими флажками на капотах: представители JUSMMAT⁶ делали жест вежливости в адрес российских миротворцев. Первый «Ил» заглушил моторы, и джипы тронулись навстречу самолету. Следом, разгоняя клубы красной пыли, покатали яично-желтого цвета цистерны заправщиков.

* * *

– Выйди, поговори с союзничками, – бросил Артем Белорыбину.

Капитан с энтузиазмом кивнул и пошел по проходу, изредка похлопывая по плечу разомлевших от полета бойцов. Тарасов наблюдал в иллюминатор за тем, как Белорыбин энергично беседует с рыжим тощим американцем в пилотке. Офицеры откозыряли и довольные друг другом разошлись. Цистерна с топливом встала вплитирку с бортом «Ила»; потянулись под брюхо самолета тяжелые рифленные шланги.

Всего через час машины поднялись в воздух.

Перекрыв на секунду рев турбин, раздался дребезжащий в динамиках голос командира:

– Полет проходит нормально. Через два часа приземляемся в Конгомбе!..

Лицо у сидевшего рядом прапора стало серьезным, веки полуприкрытых глаз дрогнули. Артем бегло осмотрел остальных подчиненных, сидящих на пластиковых лавках вдоль обоих бортов «Ила». Волнуются ребята, хотя предполагается не десантирование, а простая неспешная – по спецназовским-то меркам – выгрузка. Пандус на землю, бэтээры на грунт, следом пехота, потом общее построение, потом построение в походную колонну...

«Даст бог, устроимся и в Конгонии, – вдруг подумал Артем. – Где наша не пропадала... Что же Ларичев хитромудрый мне при погрузке недоговорил?.. А ведь недоговорил...»

⁶ JUSMMAT – «Joint United States Military Mission for Aid to Turkey» – «Объединенная военная миссия США для помощи Турции».

Глава вторая «Груз 700»

*Твой жребий – Бремя Белых! Его уронить не смей!
Не смей болтовней о свободе
скрыть слабость своих плечей!
ведь туземный народ
По сделанному тобою богов
твоих познает.*

Редьярд Киплинг

Первая – штурмовая – рота с шиком и ревом моторов проехала по главной улице конгонийской столицы – точнее, все-таки улочке, потому что наиважнейшая магистраль страны была не шире российского проселка между деревнями. Грузовички и широкозадые рейсовые автобусы послушно откатывались к обочине и замирали: пулемет на головном бэтээре был расчехлен, в бронетранспортере, держась за турель, навстречу африканскому ветру мчался прапорщик Цанава с развевающимся чернявым чубом. Шуму, надо сказать, наделали много: рокотали моторы трех идущих друг за другом машин, горланили что-то бойцы на броне. Артем не мешал им: местные жители понимают только силу и уверенность в себе, так что пусть глядят и запоминают навсегда эти мирные ооновские флажки и эти черные пулеметные стволы, хищно уставленные в сторону людного тротуара...

– Комбат, разрешите на базарчик зайти?! Мне сказали, там есть базарчик! – перекрывая шум мотора, крикнул Белорыбин. Этого никогда не воевавшего человека довела до поросычьего восторга увеселительная поездка на бэтээрах. – Надо ж посмотреть, товарищ майор!

– Рота, стой! – грянул в рацию Тарасов. – Моторы не глушить! Боевое охранение выставить! Офицеры и прапорщики, ну, и прочие желающие, – ко мне! Ну-ка, животики подобрали!

Попрыгали в пыль, как в пудру, стрелки, умело залегли на дороге, уперев сошки пулеметов в каменную растрескавшуюся почву, огляделись со спокойным ощущением собственной силы, закурили. Колоритные местные жители торопливо проходили опасное место. Черная баба в тюрбане и полосатой юбке до пят, но, однако, с голыми сиськами застыла, открыв рот, – только покачивалась корзина, которую та взгромоздила на голову. Артем подмигнул и улыбнулся, но туземка никак не отреагировала на проявление офицерского дружелюбия.

Фигуры в камуфляже рассредоточились по застывшему в ожидании рынку. Тарасов опытным взглядом обвел прилегающую территорию: провокация вроде не готовилась. Хотя хрен их знает, местных... Тем более что направляется колонна не куда-нибудь, а в российское посольство, в пригород Конгомбе...

Артем и неотступно следующий за ним капитан Белорыбин выбрали китайскую лавочку: вход в нее был вроде почище, да и товары, вывешенные под соломенной кровлей, выглядели попривлекательнее.

Тарасов толкнул хлипкую дверь и под трезвон колокольчика приветствовал узкоглазого хозяина:

– Hi! What about colonial goods?⁷

– Длестейте! Совет Союз! Сталин! Мао! Дружба! Ка-ра-се! – разулыбался желтозубый китаеза, раскладывая на прилавке переливающиеся золотом куски ткани.

⁷ Привет! Как насчет колониальных товаров? (англ.)

– You're wrong. United Nations military⁸, – на своем сносном английском возразил Тарасов.

* * *

– Нет-нет! Совет Союз! – еще шире разъехался в улыбке китаец, не переставая выметывать на прилавок свои колониальные товары.

– Вот и рассекретили нас! – хлопнул Артем по плечу капитана Белорыбина. – Твою рязанскую морду за километр видно!

В память о покойной советско-китайской дружбе хозяин лавки прилично сбросил цену. Белорыбин с видом знатока полистал штуки тяжелых тканей и выбрал невероятную, малинового цвета златотканую парчу.

– На хрена тебе такая тряпка? – удивился Тарасов. – Кто в Москве в таком ходит?!

– На машину, на сиденья себе чехлы сошью, – принимая покупку, пояснил капитан. – Сами посудите: двадцать долларов – разве это деньги?!

Артем глянул на радостного китайца и указал пальцем на лоток, где лежало золото.

«Когда я в последний раз рыжье-то покупал? – подумал Тарасов, перебирая витые цепочки и причудливой формы кольца-перстни. – Лет пять назад, когда к свадьбе готовился... Слава богу, та свадьба так и не состоялась...» Он выбрал колечко, понравившееся своим глубоким смыслом: золотая змейка кусала себя за хвост. «Первой попавшейся россиянке подарю, если живыми домой вернемся, – пообещал себе Артем мысленно. – Или последней...»

Тарасов вышел из лавочки и грохнул по броне ближнего бэтээра – эхо разлетелось на куски.

– Сирену включай! – рявкнул он. – Пускай собираются заблудшие товарищи офицеры!..

Рявкнул и завибрировал в воздухе истошный звук. Шарахнулись приبلудные собаки, с интересом обнюхивавшие колеса машин. Заторопились от греха подалее прохожие-покупатели. Миротворцы торопились к бэтээрам, кто с коробкой, кто с набитыми карманами. Загудели моторы, плюнули чадом выхлопные трубы. Тронулась колонна...

До дипломатического квартала оставалось километров пять. Чаше стали встречаться красно-белые полосатые шлагбаумы, охраняемые черномазыми автоматчиками в рубашках-хаки. Впрочем, завидев колонну под дружественным ооновским флагом, бойцы поспешно поднимали свои шлагбаумы и пытались откозырять.

«Охранять их там, в посольстве, что ли, надо?» – гадал Артем.

Его раздражало, что приказ о проводке войсковой колонны, по сути, отдал гражданский. Еще больше злило то, что цели и задачи операции он до сих пор не знал.

«За лейтенанта меня тут держат или как?! – психовал Артем, до боли в ладони стискивая край воняющего резиной и краской люка. – Придется показать кое-кому, кто тут рулит!»

Бурая лента покрытой выбоинами асфальтовой дороги плавно выгнулась, перебежав через холмы, поросшие какими-то мохнатыми и тоже бурыми дрянными кустарниками. Тарасов мельком глянул в створ люка, где колыхались плечи механика-водителя с мокрым пятном пота на спине. Там, в брюхе бронированной машины, жара покруче, чем в Афгане. Но ничего: пацаны нормально держатся...

Посольский блок охранялся куда лучше, чем блокпосты на дороге. Артем приказал снизить скорость: чернокожие коллеги могли сослепу шмальнуть по колонне. Машины обогнули купы раскидистых деревьев со стволами толщиной в дом и покатались между двумя рядами колючей проволоки. Торчали там дощатые хлипкие вышки с неприлично оттопыренными пулеметными стволами. От дальнего шлагбаума отделилась фигура белого офицера в кителе-хаки и пилотке. Он поднял руку.

⁸ Вы ошиблись. Военнослужащие Объединенных Наций.

– Стой! – скомандовал Тарасов, легко спрыгнул с брони и пошел навстречу, с наслаждением разминая ноги.

– Russes? Le convoi? Ощ allez?⁹– хрипло спросил офицер. У него был красный нос и заплавленные от беспорядного пьянства глазки.

– Куда-куда... на кудыкину гору... – проворчал Артем, тем не менее улыбаясь. – On an important matter!¹⁰

– Qu'est-ce que c'est?!¹¹– напрягся офицер.

Из караулки вышли двое чернокожих бойцов с автоматами наперевес, настороженно глядя на пришельцев.

– Capitaine, nous allons a l'ambassade de Russie!¹²– услышал Тарасов за спиной голос Белорыбина.

– Oui, j'ai appelé ... Vous voyage!¹³– махнул рукой алкаш и потопал к своей будке. Аборигены уже поднимали свой шлагбаум.

– Спасибо, полиглот! – хлопнул Артем Белорыбина по плечу. – В школе учил?

– Я же обещал быть полезным... – скромно отозвался капитан. – Нет, учил не в школе: сам...

Бэтээры тронулись с места, гудя моторами будто обижаясь на задержку.

Вдалеке показались белые домики дипломатического поселка. Вон и триколор полощется на ветру – свои, значит, здесь прописались...

Миротворцев ждали: на пристроенную к центральной постройке открытую террасу вышел молодой человек в белоснежной рубашке-апаш и сунул руки в карманы брюк.

– Глуши моторы!.. Можно оправиться и покурить! – скомандовал Тарасов, спрыгнул на песок и, подойдя, представился: – Майор Тарасов, отдельное подразделение ограниченного контингента ООН...

– Советник посольства Савичев...

Молодой человек сделал приглашающий жест, однако руки не подал. Они вошли в здание, миновали прохладный с работающим кондиционером коридор и ступили в уютный кабинет, обитый пробкой.

Дружелюбия молодой человек по-прежнему не проявлял.

– Вам поручается перевезти деньги, майор...

Советник посольства морщился: его, по-видимому, раздражал пропотевший камуфляж и небритый подбородок заезжего майора.

– Сумма немалая: там около ста тысяч долларов... По местным меркам, это много, примерно миллиард... Так что будьте осторожны... Взгляните на фото: вот этому чернокожему товарищу вручите груз...

Артем сделал вид, что такое задание его не удивляет, нетерпеливо кивнул и протянул руку. Советник отрицательно покачал головой и извлек из сейфа брезентовую сумку на лямках с несколькими чернильными печатями.

– Пересчитывать будем? – усмехнулся Тарасов.

– Вот здесь поставьте подпись, – советник передвинул по столешнице синий бланк. – Вы расписываетесь за доставку опломбированного груза, а не суммы. Я, между прочим, нарушил инструкцию, сообщив вам о содержимом; тем более, назвал сумму... Но это для того, чтобы вы, майор, не разевали варежку! – закончил он.

⁹ Русские? Конвой? Куда направляетесь? (франц.)

¹⁰ По важному делу! (англ.)

¹¹ Что-что?! (франц.)

¹² Капитан, мы направляемся в русское посольство! (франц.)

¹³ Да, мне звонили... Счастливого пути! (франц.)

Артем даже не обиделся. Он уже топал с пухлой сумкой к выходу.

– На въезде в центр будьте осторожны! – крикнул вдогонку советник. – Посмотрите на плане: Амин-авеню! Там может быть опасно!..

«Что тут может быть опасного для полусотни спецназовцев на бэтээрах?» – подумал Тарасов, но вслух ничего не сказал. Упаковку с баксами он сунул под водительское сиденье и строго ткнул пальцем: не уследишь – повешу!

Мельком он взглянул на Белорыбина: капитан приложил к пыльной физиономии бинокль и вперился в колеблющуюся от жары даль. Ни дать ни взять – маршал Рокоссовский, ну, или, на худой конец, генерал Роммель.

– Что увидел? – крикнул ему в ухо Артем.

– Там группа людей на дороге. Руками машут, – доложил Белорыбин и откинул с потного лба белобрысый чуб.

«А у меня неслабые бабки в бэтээре», – подумал Тарасов и резко скомандовал:

– Механикам – стой! Первое отделение – за мной!..

Машины встали, нацелив пулеметы на ставшую уже заметной группу туземцев, о чем-то яростно спорящих прямо посреди дороги.

Быстрым шагом миротворцы приблизились к полуголым чернокожим. Рядом, крепко сжимая «калашникову» в волосатых лапах, топал старший прапорщик Пятин, ветеран двух чеченских войн, из мотострелков. Не зная толком обширного послужного списка комбата, он торопился взять московского майора под свое покровительство. Артем ему не мешал: рассказывать подробности своей службы подчиненным он не собирался даже в очень пьяном виде...

Приложив руку козырьком ко лбу, один из чернокожих что-то отрывисто крикнул, и туземцы бросились врассыпную, скрылись среди буйных кустарников.

Тарасов кивнул бойцам на группу деревьев, стоящих метрах в тридцати от дороги: туда чаще всего поглядывали растревоженные местные жители. Артем потянул носом: обжигающий, доводящий до головокружения трупный смрад доносился оттуда.

Опередив всех, Пятин нырнул за деревья. Следом бежали бойцы...

– Что это, твою мать?! – взвизгнул прапор, отшатываясь.

Кто-то из бойцов ринулся в сторону, ломая кусты, и его вырвало.

Артем подбежал к дереву. Зрелище, представшее перед ним, действительно вызывало тошноту. Прикрученный пластиковым шнуром за обрубки предплечий к дереву на жарком солнышке разлагался труп чернокожего мужчины. Мухи сплошным шевелящимся слоем покрывали вырванный до тазовых костей пах, череп с остатками плоти на скулах ехидно улыбался. Тарасов пошевелил ботинком мокрые от слизи листья, и к его ногам выкатилась объединенная до костей кисть руки.

– Тому, кого вырвало, три наряда вне очереди! – громко объявил Артем. – А вообще-то, пацаны, привыкайте: может, его пытали в чисто военных целях, а может, и обряд какой-нибудь проводили. У них тут религия непростая... Такое может случиться с каждым, только загнетесь вы быстрее, чем любой конгониец. Чернокожие к боли приучены... По машинам, дорогие россияне!.. Сфотографировать?! Валяйте, разрешаю!

Колонна тронулась. Позеленевшего бойца с выпученными глазами погрузили в бэтээр, и Тарасов на секунду пожалел о нарядах вне очереди, припаянных пацану. «Злее будет! – передумал снимать взыскание Артем. – Так нельзя: с первого дня службы бойцам спускать с рук...»

Дунул пыльный сухой ветерок, и Тарасову стало не по себе. Он пока не мог отдать себе отчет, в чем причина: Артем повел плечами, отгоняя наваждение. Машины шли в затылок, моторы ровно гудели, спокойные – и даже вдохновенные – лица бойцов радовали командира. Им тут все внове – черные жизнерадостные нищие оборванные мужчины и женщины, ни на что не похожие травы и цветы едких расцветок, яркие орудия птицы и огромный простор саванны, сколько хватит глаз...

Пулеметная очередь грянула из зеленки. Артем услышал, как ударили по броне бэтэера пули. Взвыл сидевший на башне боец и, взмахнув руками, с маху сверзился на дорогу, покатился пачкая кровью жесткую траву.

– К бою!..

Команда, которую во всю мощь легких выкрикнул Тарасов, была не нужна: солдаты и сами скатились с брони, залегли. Машины хищно повели стволами крупнокалиберных пулеметов. Блеснули еще вспышки в придорожных кустах.

В ответ ударили пулеметы бэтэеров. Полетели листья и труха с деревьев. Первый бэтээр грузно развернулся и, подминая кустарник, плюясь огнем, пошел в атаку.

Тарасов поднял кулак с выставленным большим пальцем: бойцы поняли команду и, пригибаясь, устремились следом за машиной. Пулеметы бэтэера стучали, не смолкая. «Вот-вот выйдет боекомплект, – подумал Артем. – Увлечлись ребятаки...»

Он бежал, пиная ботинками жирные стебли и редко постреливая по отдаленным вспышкам. С той стороны работали вяло, и никаких сюрпризов Артем не ждал: следует занять вон ту высотку и отстреливать мятежников потихоньку, пока подмога не подоспеет. Ларичев так и просил: никакого геройства, никаких панфиловцев у Дубосеково... В штаб доложить – скоро, глядишь, и вертушки на такой шухер прилетят...

И тут Тарасова будто ударило током.

– Стоять! Всем залечь! Машины стоп! – зыкнул он так, что эхо прокатилось между деревьями.

Младшие офицеры продублировали команду по цепи. Бойцы залегли. Среди густой лиственной зелени за поворотом отсвечивало что-то – леска или бечевка – явная партизанская растяжка. «Судя по толщине веревочки – фугас заложили... Хорошо, что придурки высоко растяжку поставили, а то бэтээр бы тут и остался...»

Понимая, что нарушает все инструкции насчет безопасности командира в бою, Артем поднял два пальца и указал в сторону узкой тропы, огибающей холм. «Двое – со мной!» – означал этот скупой жест. Тарасов сделал шаг...

Взрыв грянул, качнув деревья, и сверху хлынул дождь сбитых листьев. Выбросила косматые клубы рыжая пыль. Яростный язык плазмы лизнул морду переднего бэтэера, отбросил многотонную машину на десяток метров.

«Радиоуправляемый, сука!» – понял Артем. Из бэтэера высыпался оглушенный экипаж. Бойцы снова открыли огонь из укрытий, прикрывая отход товарищей. Теперь в контратаку не сходишь – могут быть потери.

Снова торопливо застучали автоматы с той стороны.

«Только бы не базуки!.. Чего доброго!» – подумал Артем. Он подтянул ко рту усик рации, нашарил нужную частоту и монотонно забарабанил по-английски:

– «Сесили» вызывает «Родса»... Вступили в бой... бронетранспортер поврежден взрывом фугасного заряда... координаты...

– Вас понял, «Сесили», – отозвался занудный голос американца. – Однако эти позывные еще не утверждены, сэр... Я хотел сказать, сэр, что их утверждают сейчас...

– Нам нужна срочная поддержка вертолетов! – потребовал Артем.

– Формально я не могу передать эту информацию по команде, сэр, – продолжал американец. – Ваши позывные...

– Да пошел ты!.. – рявкнул Тарасов. – Твою мать, вертушки давай!.. Сначала бабий позывной дают, потом вертолетов у них нету!

– Попробую доложить представителю объединенного командования... – без особой борьбы сдался союзничек. – Как поняли «Родса», «Сесили»?..

– О'кей, – буркнул Артем и отключил рацию. После такой майорской накачки родимые россияне вертолеты враз прислали бы, а как эти – неизвестно...

На той стороне все утихло – противник слинял по-тихому – похоже, не понеся серьезных потерь, что несказанно злило Тарасова. Это больше напоминало бандитский налет, а не боевую операцию. Впрочем, местные мятежники от бандитов недалеко ушли...

Стрельба утихла. Не получившие новой команды бойцы подтянулись к рубежу обороны. Пробежал по-павианьи, почти на четвереньках, прапорщик Пятин, шлепнулся увесистым брюхом на землю, наглухо замыкая правый фланг, ахнул для верности по кустам из подствольного гранатомета.

Артем снова поднял два пальца и нырнул в фиолетовые заросли тамариска. Бойцы скользнули следом.

Гады слиняли – на заранее расчищенной площадке на склоне холма россыпью лежали стреляные гильзы, пустая бутылка из-под минеральной воды и десяток окурков. Чуть подальше в траве пятна крови, и жирный красный след тянулся в сторону дороги.

Тарасов понимал, что это еще не все: если местных бандюков насчет зеленого бабла проинформировали, то это были еще цветочки. А что они еще могут при своих ограниченных военных возможностях?..

Шорох привлек внимание Артема. Он машинально сменил позицию, выхватил штык-нож и рванулся вперед в точно рассчитанном ударе. Рычащий бесформенный клубок бросился из-под ног на грудь Тарасова. Так же машинально Артем выбросил вперед локоть, отталкивая тугую, в узлах жил плоть, и полоснул штык-ножом по смрадной свалывшейся шерсти, а потом вогнал лезвие вглубь. Зверь рыкнул и, отброшенный резким толчком, покатился по земле.

Бойцы Тарасова замерли, разинув рты. Готовые встретить врага-человека, они не среагировали на появление зверя.

– Что это, товарищ майор?! – прохрипел сержант. – Волк?! Или гиена?!

– Собака... – пошевелив труп ботинком животного, ответил Артем. – Одичавшая, похоже. В Африке тоже собаки водятся... На кровь, видно, среагировала, а тут кстати и мы...

Следов мятежников не обнаружилось. Когда Тарасов собрал своих бойцов, в небе раздался ровный гул винтов – союзники шли на помощь. Давать дежурному отбой тревоги Артем не стал из вредности: пушай полетают летчики-вертолетчики, им полезно.

Только когда колонна тронулась, в небе раздался гул винтов. Два вертолета «чинук» лениво сделали круг, нацелились мордами в указанный квадрат. Пилоты ничего не обнаружили.

Тут полоснула по раскаленной синеве едва заметная сигнальная ракета, за ней вторая: мятежники скомандовали своим отход. Вместо того чтобы пустить наудачу пару очередей, «чинуки» лениво качнулись в воздухе и взяли обратный курс. И тут особые расклады, черт...

* * *

У убитого были здоровые белые зубы. Он скалил из-под камуфляжного кепи разорванный с угла рот, будто насмехаясь над живыми. Ему было плевать на комбата, жару и бабки, равные годовому валовому доходу всей Конгонии, укрытые под броней бэтээра.

– Чего вылупился, как на бабу голую?! Лицо ему нормально накрой и грузи! – приказал Артем замешкавшемуся у плащ-палатки солдату.

– Мой первый убитый, товарищ майор, – вдруг сказал тот. – Первый, которого я в жизни увидел... виноват, товарищ майор...

Торопливо набросив на лицо трупа угол брезента, солдат отбежал в сторону.

– По коням!..

Снова запылила колонна, но только на лицах бойцов не было утреннего оживления...

Пресловутая Амин-авеню – затрапезная, с пасущимися по обочинам козами – привела конвой к зданию в центре столицы. Здесь было белое, под пластик, здание с вывеской «Банк Конгонии».

С обочины колонне опасно помахал полосатым жезлом полицейский. Артем остановил колонну: причина была понятна – боевые машины могли раскатать в блин припаркованные поблизости легковушки.

Артем нырнул в люк, выдернул пухлую сумку. Послышалась команда: Белорыбин десантировал первый взвод с брони – для прикрытия. Из стеклянных дверей банка вышел охранник и встал на пороге, оперев в бока длинные черные ладони. А вот и клерк с фотографии...

Тарасов с драгоценной сумкой шагал по тротуарчику, чувствуя спиной, как позади его автоматчики изготовились к бою.

– Ложись! – раздался сзади вопль.

Артем рефлекторно упал и перекатился, ощущая, как пряжка от ремня сумки врезается в предплечье.

Автоматная очередь резанула откуда-то сверху. Опытные охранник и клерк уже распластались на плитах, не готовые защищать чужие деньги.

Насчет стрельбы без команды из крупнокалиберных пулеметов в черте города инструкций не было: русские огрызнулись короткими очередями из «калашей». Где-то неподалеку квакнула полицейская сирена, но машины видно не было.

– Двое за мной! – сорвавшимся голосом крикнул Белорыбин.

Загрохотали ботинки. Стрельба с той стороны на мгновение стала гуще и вдруг смолкла, как по взмаху палочки. Тарасов перекинул автомат в боевое положение и тут заметил, что чернокожие служители золотого тельца спокойно поднимаются с пыльных ступенек.

– Ушли, товарищ майор! – доложил запыхавшийся Белорыбин. – Там крыша плоская – они с крыши стреляли. Трое или четверо. Я одного, похоже, сшиб, но его уволокли в трупобой эти...

Заквакала сирена, и из-за угла высунулся нос полицейского джипа: будто понюхав воздух, машина выкатилась на Амин-авеню. Дверца приоткрылась, и с подножки свесился живоглазый черный коп, без устали молотящий языком в свой мобильный. Обследовать место преступления он явно не торопился.

Тарасов сплюнул на асфальт и прошел в прохладный холл банка. Здесь курьера уже ждал тот самый «гуталиновый» гражданин с быстрыми глазками. Он пытался что-то говорить, но Артем, удостоверившись, что вручает «груз 700» по адресу, сунул сумку конгонийцу и, закулив, вышел на воздух.

– Они тут к перестрелкам привыкли, товарищ майор, – деловито сообщил прапорщик Цанава, сдувая со лба мокрый кудрявый чуб.

– Ты по-грузински, что ли, объяснялся? – пошутил Тарасов.

– Язык жестов здесь, как и у меня на Кавказе, очень хорошо понимают! – оскалил зубы прапор.

От гула моторов вся Амин-авеню, казалось, вибрировала, пуская фонтанчики пыли.

– В городок! – взобравшись на броню, с облегчением скомандовал Артем.

Колонна тронулась в обратный путь. Как только корма последнего бэтээра исчезла за поворотом, на Амин-авеню опасно вышел с пирамидой из медных чашек за спиной торговец водой, а через минуту конгонийская жизнь закипела, заиграла всеми красками, будто не было здесь четверть часа назад перестрелки. Пацаны со вздутыми животами с гиканьем и хохотом возились посреди улицы, собирая блестящие гильзы...

* * *

После ужина личный состав рассосался по модулям. Артем проверил караулы, отматерил зампотеха, задержавшегося с буксировкой подбитой машины, и пошел к себе. Мимо тенью шмыгнул Белорыбин с автоматом за плечом: никак не угомонится, орден зарабатывает...

Вот присел на ступеньку белобрысый лейтенант из залетных – откуда только взялся в списке? Не иначе кто-то из командиров сыночка на заработки сосватал... Махнув офицеру рукой – не вставай, мол! – Тарасов присел рядом. Самое время крепить дружбу и взаимопонимание во вверенном подразделении.

– Как тебе сегодняшний день показался? – спросил Артем, засовывая в угол рта сотую за день сигарку.

– Ничего, – равнодушно ответил летеха. – На Чечню похоже...

– Бывал там разве?

– Батя за рюмкой подробно рассказывал...

Тарасов выпустил облако дыма и поинтересовался:

– Дома-то как дела?

– Да все нормально... только у сестренки климакс... мать звонила...

– Чего?! А сколько лет сестренке?! Ничего не путаешь?!

– Тринадцать... Тьфу ты, не климакс у нее, а этот, как его... ну, пубертат с нервами!

– Уже легче... Завтра в караул заступаешь. С бойцами своими общался?

– А что, надо?

– Ты ж, лейтенант, их почти не знаешь. Значит, надо с ребятами поговорить. Завтра кто-то из них тебя, может, своей грудью от пули закроет.

– Я об этом не подумал... Есть поговорить, товарищ майор!

– Иди спать!

Тарасов сидел на пластиковой ступеньке, чувствуя, как дневной жар потихоньку спадает. Он открыл бутылку с водой и отхлебнул. Водка в этом климате идет туго, хотя признавать этого и не хочется.

Артем устало прикрыл глаза и задумался о предстоящем дне. О потерях придется отчитываться, насчет трудностей в ходе доставки «груза 700» – тем более. Деньги важнее людей, мать вашу... И непонятной остается игра, в которую он играет здесь, в забытой богом Центральной Африке, – играет отнюдь не по собственной воле...

Он вернулся к себе. В модуле было тесновато и душно. Тарасов прилег на койку, прислушался к приглушенному треску ночных насекомых за жалюзи и закрыл глаза.

– Твою ма-а-ать! – разнеслось по спящему городку, и следом послышались звуки ударов: кто-то лупил кулаком в пластиковую стену.

Артем как был в трусах, так сорвал со стойки автомат и выпрыгнул из модуля в дышащую пахучую темноту.

Часовой на вышке крутанул прожектор, и полоса ослепительного света прорезала ночь. Зажигались огоньки в соседних модулях.

– Твою ма-а-ать!.. – заорал кто-то неподалеку.

Тарасов вышиб ногой хлипкую пластиковую дверь и повел стволом по сторонам. Перед ним предстала комическая картина: бледный как смерть боец лупил кулаком по стенке над койкой, намереваясь прихлопнуть юркого громадного паука с красными вампирскими глазами.

– Оставить! – рявкнул Артем. – Смирно! Ты что, пауков не видал?!

– Этот бо-бо-большой... – замычал боец.

– Ты, придурок, репеллент вечером разбрызгал?! А сетку на окне почему не опустил?! Кому вчера было сказано?! Пять нарядов вне очереди! И отбой – десять секунд!

За отведенные секунды провинившийся успел дернуть за петлю противомоскитного щитка, нырнуть в постель и накрыться одеялом до подбородка.

– Спокойной ночи, покоритель колоний...

Тарасов выключил свет и, закинув автомат за плечо, потопал в свой модуль. База скоро уgomонилась, но уснуть ему уже не удалось.

Глава третья

От «Катюши» до «Любавы», или Охота на «Леклерка»

*Оглушенная ревом и топотом,
Облаченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.*

Николай Гумилев

Грохот взрывов покрыл все вокруг. Со свистом и ревом реактивные снаряды вспарывали воздух и рушились на землю, разнося в щепки заранее выбранные цели.

«Война...» – по привычке подумалось Артему, но в глубине души он был уверен, что это ложная тревога. Так и вышло: едва Тарасов выбежал из модуля, как перед ним возник Белорыбин, пытающийся козырнуть и все промахивающийся ладонью мимо виска. Впрочем, доложил капитан вполне внятно:

– Товарищ майор, это, оказывается, американцы ракетную установку опробуют... на полигоне – пять кмэ отсюда... Забыли предупредить, товарищ майор, из-за чего с их стороны уже последовало большое сорри...

– На хер мне ихнее «сорри»! С них вечером поляна в виде виски с мясом, – возразил Артем. – Гляди-ка ты! Забыли, сволочи!.. Личный состав – на плац, включая наряд по кухне!

– Есть! – с облегчением выкрикнул Белорыбин и помчался рысью в сторону пальм и крашенных желтой краской железных зигзагов спортивной площадки. А реактивные снаряды заокеанского производства по-прежнему свистели в воздухе, колебля землю под ногами.

«В докладе для Москвы упомяну беспокойных соседей, – решил Тарасов. – А то потом окажется, что один снаряд загулял и половину моего батальона прихлопнул... Вообще-то такая вещь называется заранее спланированной провокацией – и никак иначе...»

Умолкли ракетные залпы – американцы закончили воевать, занялись раздачей апельсинового сока. Скоро на горизонте в жарком мареве замаячил джип с флажком Объединенных Сил ООН на капоте. Союзнички пожаловали...

Разговор Артема с коллегой – майором морской пехоты США – состоялся здесь же, у штабного модуля. Радости на дубленом лице американца Артем не прочитал. После краткого обмена репликами майор Сэлинджер с ходу взял быка за рога:

– Объединенным силам предстоит серьезная операция в глубине страны. Как вам известно, сэр, с нуля часов послезавтрашнего дня произойдет смена командующих группировкой, и в шефское кресло сядет генерал Келли. Зная с лучшей стороны ваше подразделение и вас лично, сэр, генерал предложил отвести самую почетную роль в проведении операции нашим русским друзьям...

Все было шито белыми нитками: руками тарасовских бойцов командование намеревалось загребать жар – при молчаливом согласии Москвы, разумеется. «Загребем, – не впервой ведь, – думал Артем. – Здесь не Чечня, конечно...»

Российский ответ на заокеанский вызов последовал незамедлительно: наутро батальон на бэтэрах пылил в сторону аэродрома для конвоирования особо важного груза. Распоряжения объединенного командования миротворцы выполнить не торопились... Молчала спецсвязь: Ларичев не подавал весточки.

– Опять бабки, что ли, повезем? – лениво поинтересовался старший прапорщик Пятин. – Мы, блин, у командования в инкассаторах ходим, не иначе!..

В десяти километрах от базы батальон перегруппировался и разделился поротно – так требовалось в приказе, – и машины двинулись в разные стороны. Первая рота ушла в сторону аэродрома, вторая – на прочесывание уже очищенных от мятежников окрестных деревень. Третья рота под командой Артема обогнула рыжие холмы и углубилась в саванну – груз следовало принять на дополнительном аэродроме. «Режим скрытности при постоянном спутниковом слежении» – так назывался этот финт. Да, америкосы много бы дали, чтобы узнать, какой все-таки груз в обход таможен и границ привезли доблестные военные летчики...

Бойцы Тарасова успели занять ключевые точки летного поля за пять минут до прилета транспортника. По небу раскатился кегельный гул, и воздушный тяжеловоз, сделав круг над аэродромом, зашел на посадку. Представители командования не приехали – тоже, видно, ради сугубой секретности.

Утих рокот турбин, открылся люк, и на ступеньках, шурясь от яркого солнца, появился командир транспортника.

– Принимаете «предметы бытового обеспечения», – после необходимых формальностей сообщил летчик. – Остальное – в письменном виде. Читайте...

Запечатанный сургучной печатью Минобороны пакет навевал серьезные мысли.

– Ракетные установки, – понизив голос, сказал пилот. – Три штуки со всем барахлом. Прямо с завода. И опытные водители к ним прилагаются. Боевые расчеты придут в официальном порядке.

– Я, представь, догадался, что у тебя не мыло-полотенца, – усмехнулся Артем, поднимаясь в грузовой отсек самолета, под свет желтоватых дежурных ламп.

– Вот она – «Любава»! – с гордостью сказал летчик, потрепав рукой край свеженького брезентового чехла. – Принимайте красавицу!

Похожая на огромную лежащую на боку лодку, ракетная установка не слишком впечатляла размерами – с большой грузовик; подфарники тарачили зенки из-под зеленой ткани. В сумраке грузового отсека темнели еще две... Но главное не здесь – кассеты с ракетами, упакованные в пластиковые ящики с красной полосой, выкатят из брюха транспортника последними. Это ядовитое жало «Любавы» – реактивные снаряды, рассчитанные на поражение живой силы и техники противника. Два элемента из таблицы Менделеева – фосфор и уран – до времени мирно уживались внутри остро-обтекаемой желтой головки, чтобы, отправленные твердой рукой, рассыпать кругом язвящие насмерть крошечные осколки и пролить на головы врагов чудовищный дождь, испепеляющий все живое... Артему доводилось слышать про «Любаву» только от пьяных ракетчиков – в официальных источниках можно было найти лишь слухи о разработке новейшего российского оружия. Интересно, что в публикациях периодики, в Викиликсе и на интернет-блогах больше говорили не о поражающей силе «Любавы», а о недовольстве Запада этим оружием. Никто не сомневался: объяви Россия о создании небезопасного для окружающей среды оружия, миролюбцы из ООН сделают все, чтобы запретить «Любаву». Еще ракетчики заявляли Тарасову, что в новой войне – в том, что война будет, они не сомневались, – «Любава» сыграет ту же роль, которую сыграла «катюша» во Вторую мировую. «У нас ракет на всех узкоглазых хватит! – бахвалился старлей с испытательного полигона под Тулой. – Это круче «Града», круче кассетных боеголовок... За нашу победу, товарищи офицеры!» Артем подумал о том, какая огромная разница между пьяными армейскими разговорами и суровой реальностью. А реальность – вот она: пахнет краской и резиной. Ее обхаживают техники, подписавшие десяток бумаг о неразглашении. Сейчас дело майора Тарасова – строить спокойное выражение лица и свято не понимать, что за штучки привезли нынче в Конгонию. Ведь верно: не обязан пехотный майор знать тонкости новейших ракетных разработок.

«Не рискнули опробовать в Грузии – привезли в Африку, – подумал Артем. – Я уже сочувствую мятежникам... ну и своим, если установки обнаружат...» И еще он подумал: «В Москве все-таки не пацаны – генералы сидят. Значит, взвесили все «за» и «против»...»

Водители с помощью бойцов Тарасова перетягивали чехлы в походное положение, обнажая кабины машин.

– Эй, кто там?! Какого хера?! Стоять!

Артем услышал топот ботинок и бросил взгляд туда, куда, матерясь, бежал боец со сбитой на затылок панамой. Из кустов посверкивали стеклышки какой-то оптики. Вот высунулась голова, украшенная рыжими вихрами. Так и есть: папарацци...

– Сержант, не стрелять! – во всю мощь легких гаркнул Тарасов и припустил следом.

Боец успел тарарахнуть короткой очередью над головой незадачливого репортера и уже тряс того за шиворот. Морда у фотографа была перепуганная, но и в то же время наглая. Американец.

– Давай сюда машинку! – приказал сержант и, видя непонимание, рванул фотокамеру с шеи американца.

– Free press!¹⁴ – крикнул репортер и тут же получил оглушительный подзатыльник. Камера оказалась в руках сержанта – боец швырнул дорожную вещь на камни, только пластик во все стороны брызнул...

– Mister, what the hell are you doing here?!¹⁵ – спросил подоспевший Тарасов.

– I introduced! – возмущенно заголосил американец. – Free press!¹⁶

– Sergeant poorly understood in English¹⁷, – дипломатично пояснил Артем.

Боец, с ехидной ухмылочкой подавая репортеру обломки фотокамеры, буркнул:

– Сорри!

Американец почему-то подозрительно промолчал насчет того, кому он будет жаловаться, и, потирая ушибленный затылок, торопливо скрылся в кустах.

– Ты впервые за кордоном? – спросил Тарасов у бойца и, когда тот с виноватым видом кивнул, заметил: – Хорошо, что не в морду: от подзатыльника следов не остается.

И Артем отошел, мурлыча под нос пришедший на ум мотив: «Расцветали яблони и груши... Выходила на берег Любава, на высокий берег на крутой...»

* * *

Американские извинения последовали вопреки тарасовскому цинизму: Сэлинджер пригласил офицеров батальона, вежливо прислав за соседями машину.

Расхристанные морпехи готовили мясо на решетке. На столике аккуратно расставились бутылки с виски и водкой. Майор Сэлинджер позволил себе по такому поводу расстегнуть еще одну пуговку и прицепить дружелюбную улыбку. Гости – Тарасов, Белорыбин и еще трое офицеров – лучились улыбками в ответ.

Провозгласили первый тост: за мир, дружбу и демократию. Второй тост пошел бойчее – пили и закусывали уже за общую победу над врагом. Офицеры жевали сочные ломтики мяса, переговаривались, приглядывались друг к другу. Белорыбин затеял спор на отвлеченную тему, и американцы горячо ему возражали.

– Что вы думаете, майор, о перспективах Земли? – закуривая черную сигару, поинтересовался Сэлинджер.

– Не слишком ли глобально мыслите? – отозвался Артем. – Впрочем... Нас уже семь с лишним миллиардов: скоро реальную цену будут иметь только еда и патроны. Значит, мы,

¹⁴ Свободная пресса! (англ.)

¹⁵ Мистер, какого черта вы здесь делаете? (англ.)

¹⁶ Я же представился! Свободная пресса! (англ.)

¹⁷ Сержант плохо понимает по-английски (англ.).

военные, скоро будем в большой цене. Везде и повсеместно. Вот и все перспективы для старушки Земли! Это повод задуматься, джентльмены!..

Тут усмехнулся сидевший в сторонке чернокожий здоровяк с нашивками лейтенанта.

– Господин майор преувеличивает! – заявил он. – Еда и патроны, а также военные в цене только там, где есть угроза демократии! А значит...

– Я же не сказал, что *тогда* в цене будет демократия, – прервал собеседника Тарасов и направился к своим.

Американцы за его спиной горячо заспорили: они пытались объяснить внезапно разобидшемуся нигеру пророческие слова русского майора.

Когда вечеринка близилась к окончанию, Артем отозвал Сэлинджера к машинам и спросил:

– Вы не замечали в окрестностях лишних людей? Скажем, вчера или сегодня?

Майор пожал плечами и яростно присосался к своей сигаре:

– Сюда только местные пастухи забредают... Если вы имели в виду европейцев, то подобной информации у меня нет... Впрочем, готов впредь сообщать вам о нежелательных визитерах...

«А про новое оружие не спросил майор, – подумал Тарасов. – Не спросил, хотя я сделал вид, что порядочно поднабрался...»

Чтобы соблюсти известный паритет, Артем вызвал машину из расположения своего батальона. Коллег Тарасов пригласил навещать на следующей неделе: служба службой, а выпивка выпивкой.

– Пили они мало, – толковал по дороге Белорыбин. – Пили мало, и пьянели мало. Я заместитель по воспитательной: все на метр вглубь вижу. Проверяли они нас на вшивость, командир!

– Твои вши никому не нужны, Саня, и мои тоже, – отозвался Артем. – Америкосы так устроены: с тобой они воевать ни в жизнь не будут, только улыбаться. А с твоей страной – с удовольствием. Только по-тихому, без глупых понтов и ненужного шума...

* * *

Уходя, человек оставлял позади мертвые города. Их пожирают плесень и гниль, опутывают стебли равнодушных растений, поливает дождь и крошит ветер. Здесь бегают дикие животные. Иногда здесь появляются люди – черные и белые беглецы от цивилизации, вооруженные до зубов и признающие только закон силы...

Майору Тарасову сделали предложение, от которого тот не смог отказаться: транспортные вертолеты предоставили американские коллеги. Может, они следили за тем, чтобы россияне оказались именно там, где следовало?..

Вертолеты 101-й десантной дивизии были и вправду хороши. Двухголовый, похожий на сказочного тянитолкая монстр «Чинук», украшенный эмблемой, – голова орла с раскрытым злобным клювом, – принял под командой Тарасова и Белорыбина на борт три десятка бойцов. С собой имелся только сухой паек на двое суток – еду обещали регулярно доставлять по воздуху.

– Там, где мы грузились в вертолет, я видел кости, – сообщил Белорыбин, плюхаясь рядом на широкое сиденье в вертолетном трюме. – Пошел по малой нужде – и увидел... Кучей лежат. Желтые такие, засушенные...

– Человеческие?

– Не-а, большие какие-то. Слон, наверное, сдох. Или бегемот...

– Бегемоты в Конгонии не водятся... А что тебе до костей-то?

– Места тут, видно, нехорошие, комбат... – проговорил капитан и зябко передернул плечами.

Артем тоже чувствовал неприятный холодок в спине, хотя и не подавал виду. Такое ощущение он в последний раз испытал в синем безоблачном небе над Чечней – за пару секунд до того, как их вертолет подбили из «мухи»... И сейчас предстоит лететь над джунглями, чья таинственная сень хранит немало тайн и скрывает множество зорких глаз. А к этим глазам прилагаются умелые черные руки, вооруженные автоматическим оружием, и горячее сердце, не знающее жалости. В плен здесь не берут, а если и берут, то спустя месяц-полтора специальная миссия Красного Креста возвращает на родину сошедших с ума, навсегда утративших человеческий облик бойцов...

Полет занял не больше часа. Десантирование прошло по плану. Внутри «Чинуков» оказались те же тросы на вращающихся барабанах, по которым бойцы один за другим нырнули в люки.

Артем почувствовал себя курицей на гриле: пекло и сверху, и с боков.

– Багаж на землю! В две шеренги – становись! – стараясь перекрыть рев винтов, прокричал Тарасов.

Вертолеты качнулись на прощанье и взмыли в раскаленную высь. Вдалеке в просветах раскидистых деревьев желтели каменные руины. Мертвый город молчал, уставив на пришельцев бойницы, оцетинившись кустарниками, укрывшись за трещинами рухнувших триста лет тому назад колонн...

Артем выждал несколько минут, глядя в напряженные лица бойцов. Стрекот «Чинуков» смолк вдали.

– Добро пожаловать в пекло, парни, – не по уставу проговорил Тарасов. – Ночным ходом, через шесть часов сюда придут секретные установки залпового огня. Противник, который, судя по данным разведки, окопался в паре километров вон за теми развалинами, не ждет сюрприза, но может сюрпризом одарить. Поэтому слушай мой приказ: действуем по скрытному варианту...

Артем разделил боевую группу на равные части. Полтора десятка двинулись, шебурша песком, к развалинам мертвого города Нгомбе – так назывался древний африканский долгострой на тактической карте. Остальные занялись подготовкой площадки для работы «Любав». Тарасов по-человечески сочувствовал бойцам Белорыбина, которые сейчас рубили ветки, размечали периметр, копали саперными лопатками одиночные стрелковые гнезда. Но и тем, кто следом за ним шел в мертвый город, можно было тоже посочувствовать. Что там ждет, черт его знает...

Они топали уже без малого час. Такие буро-зеленые заросли, перемежающиеся сухими участками совершенно голой земли, убаюкивали, рассеивали внимание... Тренированное ухо Артема не уловило ни шелеста, ни треска, ни тем более выстрела, но только шедший впереди боец вдруг вскрикнул и упал, забился в судорогах. Он дергал ногами в камуфляжных штанах и сползал по склону вниз.

Тренированные спецназовцы огня не открывали – только залегли по команде. Тарасов ужом пополз вперед, зацепил ботинок упавшего и потащил на себя. Ни звука из зарослей – только торчат из травы молчаливые и сосредоточенные автоматные стволы...

Артему было достаточно одного взгляда в сведенное судорогой лицо уже затихшего бойца, чтобы понять – это сильный яд-паралитик. Только откуда он?

Тарасов сделал жест ладонью, и труп поволокли в сторону, под прикрытие массивных, повалившихся от старости стволов. Минутный осмотр дал ответ: из шеи погибшего торчал кончик древесного шипа, выпущенного из духовой трубки. Таинственный противник исчез или затаился.

Замерцал красный глазок рации: пора докладывать о выходе на рубеж, а всего результатов – один «двухсотый».

Артем поднял ладонь с растопыренными пальцами: внимание! Пожестиковав пару секунд, он оставил за старшего прапорщика Пятин, положил автомат на землю и, вооруженный штык-ножом, пистолетом и гранатами, пополз в сторону...

По расчетам Тарасова, возможные туземцы затаились за дальними деревьями, следя за передвижениями чужаков. Они не хотели или не могли перехлопать остальных бойцов: насколько Артем понимал, стреляли туземцы из своих духовых трубок на пределе дальности.

Тарасов ужом переполз через сплетенные древесные корни, похожие на лапы динозавра, и прислушался. Перепорхнули с ветки на ветку трескучие яркие птицы, похожие на попугаев, и продолжили галдеть в той же тональности. Не сороки, слава богу, – не выдали.

Вон там, где столб света пробивается сквозь густую сень баньяна, можно легко укрыться. Артем положил перед собой штык-нож, высвободил из наплечной кобуры пистолет и вновь напряг слух. Едва шевельнулась ветка дальнего дерева, и на мгновение высунулись пальцы черной ступни, тут же спрятались.

Рука Тарасова тихо потянулась к разгрузке, он нащупал ребристый бочок гранаты, вкрутил взрыватель и приготовился к броску. Тоска прошла по сердцу: сейчас лопнет по швам африканская тишина, и умрут дикари, которые, может, впервые видят белого человека с оружием...

Артем сжал зубы: «Не подставиться!» Он выдернул чеку, широко размахнулся и запустил гранату туда, где ему померещился враг. Взрыв перекрыл шелест и птичий свист, выбросил черный клуб дыма. Осколки со свистом срубили листья.

Тарасов пружиной перебросил тело вбок, сжал рукоятку пистолета и открыл беглый огонь по мечущимся в перспективе черным фигуркам.

Старший прапорщик Пятин все понял правильно: оттуда, где Артем оставил бойцов, загрохотали автоматные очереди, и парни в камуфляжных разводах перебежками двинулись вперед. Туземцы суетливо прижимали к губам свои духовые трубки, и тут же падали, сраженные пулями Артема. Тарасов насчитал пятерых упавших, когда из кустов вывалился Пятин и полил противника огнем. Дружно бабахнули подствольные гранатометы. Для туземцев это было вроде пришествия карающих богов.

Артем припозднился на секунду: двух раненых голых дикарей дострелил Пятин. Отомстил за убитого.

– Один хрен их не допросили бы, товарищ майор! – пожал плечами прапорщик, отходя в сторону. – Они ж ни по-каковски не разговаривают! Хуже чеченцев!

Чернокожие карлики с костяными ожерельями на шее скалили мертвые зубы. На одном были грязные камуфляжные шорты.

«Кто вас послал?! Или вы сами решили отогнать чужаков, посягающих на священное место?»

Вдалеке замаячили каменные руины. Нгомбе – и захочешь, не выговоришь. Черт знает, когда здесь жили предки нынешних конгонийцев, всходил вместе с утренним солнцем на ступени местный царек и подданные склонялись перед ним до земли. Потом эти чернокожие отчаянно сражались с португальцами, чтобы еще через сто лет надеть на шею французское ярмо. И теперь только развалины помнят величие былого царства-государства, грохот медных пушек и дымных мушкетов...

Бойцы прошли мимо развалин чего-то похожего на пирамиду в миниатюре, расталкивая упругие ветки угнездившихся среди каменных глыб кустов, углубились в еще угадывающиеся остатки улочек. Артем наметанным глазом приметил, что здесь давно не ступала нога белого человека. Даже вековая пыль на битых дождями и ветром головастых статуях не тронута.

Доложив, как положено, по команде, о конце операции, Тарасов расставил караулы и объявил остановку на ночлег. Бойцы бережно сгрузили упакованный в блестящую пленку труп погибшего товарища и стали устраиваться. Вертолет вызвать нельзя – акция тихая.

Стемнело скоро, но спать спецназу не довелось. Заухало и завывало в глубине джунглей, звук приблизился, снова стал удаляться. Артем определил, что до источника шухера километра два, не меньше. Уханье и вой повторялись, будто сами джунгли ополчились на непрошенных гостей. Бойцы жались к камням, тревожно вглядываясь в темноту. Потом где-то очень далеко загремели барабаны. Следовало бы проверить, кто там чудит на ночь глядя, но сейчас Артем ни за что не решился бы гнать солдат в эту дикую грохочущую ночь. Туда, куда уже через несколько часов упадут секретные реактивные снаряды.

Гул в чаще то стихал, то нарастал, к нему присоединился рев – проснулись ночные хищники. Пятин не спал: положив автомат на колени, он сидел, сложив ноги по-турецки, рядом с трупом, и калмыцкие скулы Пятин серебрила луна.

Связь с Белорыбиным была отличная: капитан доложил о завершении работ по расчистке местности. Ждали только «Любавы»...

Майору Тарасову была непонятна эта операция, и он списывал все на несогласованность командирских действий – в Конгомбе, московском Генштабе и заокеанском Пентагоне. Вроде и одно дело вместе делаем, только цели у всех хитрые и разные.

– Товарищ майор! – шепотом подозвал подошедший сержант. – Там, в зарослях, огоньки! Разрешите обстрелять!

– Не разрешаю, – спокойно отозвался Артем.

– Разрешите тогда осмотреть!

– Не разрешаю... Леопард задницу откусит. – И, глядя прямо в глаза удивленному спецназовцу, Тарасов добавил: – Скоро утро. Ничего не надо бояться, сержант.

* * *

Первые лучи солнца осветили изнанку жирных листьев, и тут заговорили «Любавы». Грохот, родившийся в нескольких километрах отсюда, ширился и рос. Белые полосы прочертили облака, и еще через секунду впереди ударил первый взрыв. Дрожь вспоротой земли докатилась до расположения группы. Бойцы уже не спали – они вглядывались в утыканный деревьями горизонт. Теперь был слышен пульсирующий вой – реактивные установки работали без передышки.

Артем смотрел в бинокль. Еще не рассвело. Оптика приблизила границу руин Нгомбе, вьющуюся между холмами дорогу и сплошной черно-бурым дым, поднимающийся над деревьями. Было страшно подумать о том аде, который разверзся там.

Запиликала рация.

– Гроза уже началась? Бери бойцов, майор, и двигай в квадрат 47-11, посмотри, что да как... – зарокотал голос российского представителя командования.

– Ясно, – без энтузиазма ответил Тарасов и кликнул прапора: – Пятин, действуем по штурмовому варианту. С богом...

Он поднял группу и погнал бегом туда, где только что перестали рваться реактивные снаряды. Последняя четверка спецназовцев, раскачивая, тащила упаковку с трупом. Спецназовцы в авангарде включили фонари, и мечущиеся огни отмечали путь группы. Минута в минуту, по расчетному времени, группа вымахнула на склон.

– Твою ж мать! – выдохнул кто-то.

На дымящейся, пробитой воронками желтой земле догорали грузовики, ящики и палатки и в самых причудливых позах громоздились трупы конгонийских боевиков – точнее, то, что от них осталось. Дунуло смрадом паленого мяса и резины.

Залпы «Любав» накрыли базу в самый неподходящий момент – боевики, похоже, разгрузили прибывшую с севера колонну.

Артем поднял руку, и бойцы запыхали вниз по склону, поводя автоматными стволами. Справа ударила короткая очередь: рослый сержант прекратил мучения похожего на кусок мяса с гриля черномазого, с хрипом ползущего из-под колес покосившейся «Тойоты». Упав на колено, Тарасов срезал очередь ошалевшего боевика с пулеметом, выскочившего из груды горящих контейнеров. Бухнуло несколько ручных гранат. Раздался отборный солдатский мат.

Зачистка закончилась. Артем подробно нанес на карту места дислокации боевиков и приказал группе строиться. Он прошел мимо запыханных бойцов, оценил честно заработанные пятна пота и соли на камуфляже и проговорил:

– Всем военнослужащим объявляю благодарность. Сейчас быстрым маршем напрямик на исходную. Нас заберут вертолеты...

– Товарищ майор, разрешите обратиться! – вякнул солдатик из второй шеренги. – А гильзы надо собрать?

– Чьи? – поднял брови Тарасов.

– Наши...

Стоявший рядом с солдатом Пятин отпустил тому незаметного пинка.

– Виноват, товарищ майор... – приглушенно выкрикнул солдатик.

– Здесь же тебе не стрельбище, мать твою, – ласково объяснил прапор. – Это война, сынок. Тут за собой убирать не обязательно...

«Чинуки» прибыли на точку в срок. Вздвигнув пыль, машины приземлились, присев на шасси. Пилот хмуро козырнул, выслушал доклад Артема, брезгливо взглянул в сторону трупа и махнул жилистой рукой: грузиться.

Вертолеты сделали полный круг над еще дымящимися позициями боевиков и набрали высоту.

* * *

Об уничтожении гнезда повстанцев знал уже весь мир. По сообщениям массмедиа выходило, что боевиков разнесло в пух и прах неведомое оружие – чуть ли не тактический ядерный заряд. Американцы недоумевали, что-то подозревали и замыслили; в Москве удовлетворенно потирали руки – испытания «Любав» прошли по плану, а результатами обстрела можно было гордиться. Теперь оставалось соблюсти сугубую секретность...

На борт «Чинука» поступил приказ: бойцам российской группы прибыть на американскую базу для беседы с группой офицеров объединенного командования.

Усталый и злой Артем выбрался из брюха вертолета и откозырял группе военнослужащих, столпившихся на краю площадки. Подскочил Белорыбин.

– А у нас тут вроде как скандал образовался, – торопливым шепотом сообщил он. – Члены какие-то из миссии ООН приехали, приставали насчет вчерашнего обстрела. Вроде говорили, радиоактивный фон как-то где-то там повысился... Ну, а я дурака включил и отнекивался – не в курсе, мол, обращайтесь к Медведеву или Путину... Будьте готовы, товарищ майор...

– Догадался... пушкари с позиций нормально снялись?

– Так точно!

– А тебе вопросов не задавали?

– Ну кому придет в голову мне вопросы задавать? – усмехнулся Белорыбин.

Артем ободряюще хлопнул его по плечу.

Тут же вертелся представитель российского военного командования в чине подполковника. Неужели отмахнувшись от бубнящего вполголоса чина, Артем направился в сторону административного блока, над которым гордо реял звездно-полосатый флаг.

Журналисты и множество военных в форме союзных сил ожидали прибытия героев дня. Два корреспондента АВС перехватили гордо шествующего пилота вертолета, и тот, повернувшись к камере медальным профилем, заговорил о святости демократических принципов и повсеместных славных победах американского оружия.

Тарасова пригласили в здание, провели в конференц-зал. Сюда журналистов не пустили: только двое черных парней с шевронами штаб-сержантов устанавливали видеокамеры.

– Полковник Этенборо, – сухо представился полковник. – Это официальная беседа. Прошу вас помочь мне.

Полковник снял берет и уселся напротив Артема. Видеокамеры и микрофоны выросли перед столом вроде клумбы. Американец вытер со лба белоснежным носовым платком пот и начал:

– Позвольте задать вам несколько вопросов, сэр... В «мертвом городе» вы заметили что-либо необычное?

– Ничего. Все, как бывает на войне.

Несколько озадаченный таким коротким и емким ответом, американец счел необходимым уточнить:

– Вы видели остатки реактивных снарядов на месте обстрела?

Артем пожал плечами:

– Прошу прощения, сэр, но вы, кажется, служили не в артиллерии... О каких остатках вы говорите? Разумеется, нет. Были останки людей и машин, – Тарасов помычал, подыскивая нужные английские слова, – и мелкие очаги возгорания...

Полковник достал из папки и разложил веером перед Артемом фото, на которых во всей красе были запечатлены снаряды от «Любав».

Тарасов смотрел на фото со спокойным любопытством: ему даже изображать ничего не пришлось. Теперь он понял, что за фотографии ошивались на месте разгрузки российского транспортника.

Американец с досадливым видом сгреб фото и продолжал:

– А ваши военнослужащие – они, наверное, снимали «мертвый город» на видеокамеры и мобильные телефоны?

Артем улыбнулся:

– Идя на выполнение операции, я всегда отдаю приказ оставить все личные вещи в расположении части. Кроме оружия и боевого снаряжения мои бойцы имеют с собой только личные медальоны... Так что никаких документальных свидетельств нет, полковник.

Американец поднялся:

– Благодарю вас, майор. Ваши ответы меня удовлетворяют. Вы позволите опросить ваших подчиненных? В вашем, разумеется, присутствии?

Рядом с полковником сел американский переводчик. Члены боевой группы не добавили ничего существенного к ответам командира. Только Пятин, исподлобья зыркнув на Тарасова, высказал претензии насчет боевого обеспечения американскими коллегами.

– Десантирование с вертолетов на неподготовленную площадку! – нарочно раскипятился он. – А если бы я ногу сломал?! Или вот если б товарищ майор голову ушиб?! Вредительством пахнет, скажу я вам!

– Мы непременно учтем это, господин капрал, – на полном серьезе пообещал американец.

На этом беседа закончилась. Представитель российского командования отозвал Артема в сторонку.

– Вы не очень тактично разговаривали, майор! – проговорил он. – Вы много себе позволяете...

При этом земляк сторонился пропотевшего Артема, чтобы не запачкать китель о грязную робу майора.

– Как смог, – отрезал Тарасов и протиснулся мимо стойки дежурного к выходу, нарочно проехавшись грудью с закопченным камуфляжем по чистенькому мундиру подполковника...

Пока «газик» с Тарасовым и Белорыбиным добрался до расположения российского батальона, их трижды останавливали американские патрули.

«Решили действовать на нервы», – понял Артем.

Тарасова сорвал с койки зуммер спецсвязи: звонил Ларичев и никто другой.

– Подъем, майор! – генеральский голос звучал весьма тревожно. – Час назад американцы блокировали колонну с «Любавами» на пути к аэродрому. Пока ничего не предпринимают, но опасность захвата установок большая...

– В огневой контакт вступать? – осведомился Артем.

Ларичев на том конце связи закашлялся и сдавленным голосом ответил:

– И не думай! Задача – разблокировать колонну! Они держатся пока, да и союзники от активности воздерживаются – ждут, похоже, команды из Пентагона... В общем, майор, думай: «Илы» уже на месте...

Артем секунду поразмышлял и ответил:

– Товарищ генерал, считаю, имеет смысл закосить под повстанцев.

– Не уверен, – после тяжелой паузы проговорил Ларичев. – Разве что морды бойцам гуталином намажешь...

Тарасов скорым шагом вышел из модуля, ответил паролем на окрик часового и через минуту был в модуле Белорыбина. Тот не спал: при свете фонарика штудировал английский самоучитель.

– Саня, я покажу тебе, где растут ордена! – с порога выпалил Артем.

Капитан отложил книгу и без вопросов стал одеваться.

«Теперь оружейка, там дежурный точно не спит, – мыслил Тарасов. – Пятина не возьму – у него после Осетии крыша протекает, еще наворотит дел... Сержант Куренной – бравый парень, и молчать вроде умеет... Он, даром что молодой, в операции «Смоляная яма»¹⁸ участие принимал... Втроем и двинемся...»

Артем взял белорыбинскую рацию и поднял командира автороты, прозвонил в оружейку – дежурный ответил фальшиво-бодрым голосом. Точно спал, паршивец...

– Далеко, товарищ майор? – Белорыбин стоял перед командиром, одетый по полной полевой форме, будто не было тех изнурительных суток в «мертвом городе».

Через пять минут они были в оружейке. Щуря хитрые глаза, дежурный прапор только диву давался, на что командиру глухой ночью нужны дымовые шашки, светозумовые гранаты, учебные холостые патроны и прочая несерьезная дребедень-развлекаловка. Прапор ничего не спросил: приказ есть приказ, но про себя подумал, что на комбата дурно действует местный климат.

– И вот это дай! – ткнул Тарасов пальцем в тубик с надписью на английском.

«Газик» уже урчал мотором на освещенном пяточке у КПП. За рулем сидел лучший водитель автороты – подмосковный казах по имени Талап.

Сержант ничего не спросил:

– Разрешите повести? – спросил Белорыбин и, дождавшись от Артема кивка, согнал с места Талапа, поерзал, включил фары. Снопы света прорезали бархатную африканскую ночь.

¹⁸ Совместная операция российских и американских спецподразделений по уничтожению нарколабораторий в Афганистане в 2010 году.

– Докатим до места, – сказал Тарасов опешившему Талапу, – сразу отгонишь машину на место, доложишь своему командиру, отмоешь «газик» до блеска и навсегда забудешь об этой поездке. Ясно?

Белорыбин сорвал «газик» с места, вихрем вылетел за шлагбаум, и за его прыгающим на ухабах задом сомкнулась темнота.

* * *

Светало. Расчеты «Любав» залегли в траве, ошестившись автоматными стволами. Зачехленные установки, загнанные под сень широколистных деревьев, пока были в безопасности, но высунуть голову было нельзя: в зарослях, среди пустых проржавевших цистерн прямо по курсу, заняли выжидательную позицию американские морпехи. Союзники не торопились, и страха в них не было заметно. В бинокль можно различить солдат в песчаного цвета камуфляже и касках. Морпехи, чувствуя себя хозяевами положения, деловито обменивались условными жестами, медленно передвигались по направлению к замаскированной колонне. Командир вовремя завернул «Любавы» в заросли – на этот счет была точная инструкция, но союзники умело и быстро блокировали единственное нужное шоссе.

Командир «Любав» нервничал: о прибытии установок сообщили не всем – даже шефы российских миротворцев в столице Конгонии были не в курсе, а значит, просить помощи было неоткуда. По спецсвязи ракетчик нашел генерала Ларичева, а тот отдал известный приказ майору Тарасову.

По правде сказать, капитан-ракетчик не представлял себе, чем сможет ему помочь родной спецназ. Время погрузки миновало уже четыре часа назад. «Илы» заждались, а «Любав» все не было. Пойти сейчас на прорыв означало подвергнуть страшному риску секретные установки, за которые из российского бюджета были выложены немалые миллионы. Остаться на месте значило попасться на глаза тележурналистам и американским военным спецам, насчет чего командир «Любав» давал две подписки – одну в Генштабе, вторую – на Лубянке. Да, те были бы рады выставить на всеобщее обозрение новейшее российское оружие, да еще и с боеголовками этими чертовыми... Подумав о боеголовках, капитан заскрипел зубами.

Приказав старшим расчетов активировать устройства самоуничтожения, ракетчик смолит сигарету за сигаретой и никак не мог представить, как он собственными руками приведет в действие детонаторы, чтобы четыре красавицы превратились в груды железного лома...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.